

Въ защиту христіанской свободы

(Письмо въ редакцію).

Редакція « Современныхъ Записокъ » была такъ любезна, что послѣ многочисленныхъ нападеній на меня на страницахъ этого журнала она согласилась предоставить мнѣ возможность дать принципиальный отвѣтъ, разъясняющій мои взгляды. Я совсѣмъ не предполагаю вступать въ мелочную полемику и даже не думаю называть имена моихъ критиковъ. Меня интересуютъ самыя проблемы и я чувствую потребность разъяснить мой образъ мыслей, который остался плохо понятымъ и иногда бывалъ до неузнаваемости искаженъ. За послѣдніе два года въ русской заграничной средѣ я былъ предметомъ нѣкотораго вниманія критики, письменной и устной, исходившей изъ разныхъ лагерей. Но нѣтъ ничего печальнѣе русской критики идей. Она никогда не пишется по существу и никогда не интересуется духовнымъ міромъ, который раскрывается въ тѣхъ или иныхъ идеяхъ, никогда не интересуется поставленными проблемами. Русская критика идей остается исключительно утилитарно - публицистической, она всегда занята изобличеніемъ « вреднаго направленія » и дискредитированіемъ противника, который можетъ оказать дурное вліяніе. Можетъ быть и вообще « критика » есть жанръ не имѣющій права на существованіе. Дѣйствительный смыслъ имѣлъ бы лишь духовный діалогъ. Только платоновскій діалогъ есть настоящее общеніе мыслей, общеніе идей. Для критики, направленной противъ меня, характерно уже то, что она главнымъ образомъ избрала своимъ предметомъ мою книгу « Философія неравенства » и мало обратила вниманія на мои книги « Смыслъ исторіи » и « Міросозерцаніе Достоевскаго ». Между тѣмъ какъ существенны для моего образа мыслей именно двѣ послѣднія книги, онѣ имѣютъ міросозерцательное значеніе. Книга же « Философія неравенства » представляетъ болѣе благопріятный матеріалъ для излюбленныхъ у насъ методовъ критики, но гораздо менѣе существенна для характеристики моихъ

взглядовъ. Въ совершенное отчаяніе можетъ привести тотъ инертный консерватизмъ мышленія, та невозможность выйти изъ слишкомъ привычныхъ категорій, которыя встрѣчаются у большей части критиковъ. Изъ полемики по поводу моихъ книгъ я узналъ, что я врагъ свободы и что противъ меня нужно защищать и оправдывать свободу. Такъ говорятъ русскіе критики. Но вотъ появляются на нѣмецкомъ языкѣ мои книги «Міросозерцаніе Достоевскаго» и «Смыслъ исторіи». Кейзерлингъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ нѣмецкихъ философовъ и писателей, пишетъ предисловіе къ нѣмецкому переводу моей книги «Смыслъ исторіи» и говоритъ въ пемь, что я могу быть названъ настоящимъ философомъ свободы. Въ двухъ нѣмецкихъ статьяхъ по поводу появленія на нѣмецкомъ языкѣ книги «Міросозерцаніе Достоевскаго» также говорится, что я болѣе, чѣмъ кто-либо философъ свободы. Западно-европейскіе люди, интересующіеся міромъ идей и совершенно не заинтересованные въ борьбѣ противъ «вреднаго направленія», сразу же вѣрно почувствовали, что исконная проблема всего моего міросозерцанія есть проблема свободы и что положительный паюсъ мой есть паюсъ свободы. Защита свободы духа есть основной движущій мотивъ всего мною написаннаго. Это должно быть ясно для всякаго, кто съ вниманіемъ и съ интересомъ къ самымъ проблемамъ читалъ мои книги «Міросозерцаніе Достоевскаго» и «Смыслъ исторіи» или болѣе старыя мои книги «Философія свободы» и «Смыслъ творчества». Книга «Философія неравенства» представляетъ страстную и негодующую реакцію противъ русской революціи. Но и въ этой книгѣ двигателъ мной не страхъ свободы, какъ мнѣ хотять принисать, а *страхъ за свободу*, страхъ за человѣческое лицо. Я ощутилъ революцію, какъ окончательное истребленіе духа свободы и свободы духа. Въ этомъ моя проблема. Пусть меня именуютъ «реакціонеромъ», ненавистникомъ революціи. Словами меня нельзя испугать: я знаю, что я «реакціонеръ» и ненавистникъ революціи изъ страстной любви къ свободѣ духа, къ лицу человѣка. Я давно, очень давно уже ощутилъ, что такъ называемыя «лѣвыя» и «революціонныя» направленія не любятъ свободы духа и готовятъ окончательное ея истребленіе. Самые замѣчательныя и творческіе русскіе люди пали жертвой нелюбви къ свободѣ нашего традиціоннаго «лѣваго» лагеря. Свободу духа всегда мало любили на землѣ, — это вѣдь аристократическая любовь. Я не думаю, чтобы она была въ такъ называемомъ «правомъ» лагерѣ. «Правый» лагерь въ этомъ отношеніи не менѣе «демократиченъ», чѣмъ «лѣвый» лагерь. Но я знаю, что настоящая любовь къ свободѣ

духа была у насъ лишь у тѣхъ мыслителей и писателей, которые не были признаны « лѣвымъ » лагеремъ, и ея не было у тѣхъ, которыхъ онъ признавалъ своими властителями думъ. Хомяковъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ болѣе любили свободу духа и утверждали ее, чѣмъ Бѣланскій, Чернышевскій, Михайловскій, Плехановъ, которые духовно, по основамъ своего міросозерцанія подготовляли Ленина. Свобода есть категория духа и предполагаетъ бытіе духа. Это — философская аксіома. Тѣ, которые отрицаютъ духъ, могутъ говорить о свободѣ лишь во внѣшнемъ, несущественномъ и произвольномъ смыслѣ. Свобода въ этомъ случаѣ не имѣетъ источника, не имѣетъ бытійственной сферы своего пребыванія и не имѣетъ оправданія. И всякое міровоззрѣніе, отрицающее духъ и духовный міръ, въ силу внутренней логики должно кончатся Ленинымъ. Это есть имманентная кара. Смѣшно и жалко защищать свободу религиозной совѣсти, когда отрицаешь религиозную совѣсть, смѣшно и жалко защищать свободу мысли, когда отрицаешь самостоятельное значеніе мысли, смѣшно и жалко защищать свободу слова, когда не придаешь никакой цѣны слову и рассматриваешь его лишь какъ утилитарное орудіе, смѣшно и жалко защищать права человѣческой личности, когда не признаешь реальности, бытійственности человѣческой личности, смѣшно и жалко говорить о свободѣ, когда свободу рассматриваешь лишь какъ продуктъ общественныхъ отношеній и общественной среды ! О свободѣ внутренне имѣетъ право говорить лишь тотъ, кто знаетъ свободу, какъ реальность духовнаго опыта и духовной жизни, а не тотъ, кто добивается свободы, какъ продукта общественнаго принужденія, и знаетъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ лишь реальность рабства. Все это элементарныя аксіомы не только религіи, но и философіи.

Моя книга « Новое средневѣковье » была воспринята въ русскихъ « прогрессивныхъ » кругахъ главнымъ образомъ со стороны ея устрашающаго названія. Я былъ признанъ отчаяннымъ реакціонеромъ, мракобѣсомъ, сторонникомъ « мрака средневѣковья ». Кстати о « мракѣ средневѣковья ». « Мракъ средневѣковья » выдумали просвѣтители XVIII в., которые не знали и не понимали исторіи. Но очень неловко говорить о « мракѣ средневѣковья » тѣмъ, которые стоятъ на уровнѣ современныхъ историческихъ знаній о средневѣковьи. Оцѣнка средневѣковья давно уже измѣнилась среди культурныхъ историковъ. Давно уже установлено, что средневѣковье, если не считать первыхъ вѣковъ варваризаціи послѣ паденія античной культуры, было временемъ великой и своеобразной духовной культуры, не-

обычайнаго и творчески оригинальнаго напряженія мысли въ схоластикѣ и мистикѣ, временемъ великихъ святыхъ, духовныхъ срденовъ и народныхъ религиозныхъ движеній, временемъ художественнаго творчества, создавшаго готыку и живопись примитивовъ, « Божественную Комедию » Данте и поэзію трубадуровъ, временемъ выковыванія личности въ монашество и рыцарствѣ, что средневѣковье знало свое христіанское Возрожденіе. О средневѣковой философіи написано теперь огромное количество изслѣдованій и монографій, которыя окончательно реабилитируютъ средневѣковую философію и дѣлаютъ невозможнымъ старое мнѣніе, что между Платономъ и Декартомъ было пустое мѣсто^{*)}. Средневѣковая философія была выше и глубже, просвѣщеннѣе, чѣмъ философія нашей эпохи. Слова « реакціонный » и « революціонный », « правый » и « лѣвый » потеряли въ наше время всякое реальное значеніе, стали пустыми звуками. Мнѣ представляется ужасной отсталостью и реакціонностью самое употребленіе этихъ словъ и категорій.

Я знаю, что « лѣвые » меня считаютъ « правымъ », а « правые » считаютъ « лѣвымъ », что направленіе мое можетъ быть названо реакціонно - революціоннымъ. Но это двусмысленное положеніе меня мало беспокоитъ, потому что я остаюсь въ очепь хорошемъ обществѣ. О Вл. Соловьевѣ никто никогда не могъ рѣшить, « правый » онъ или « лѣвый », и рѣшить нельзя было, потому что онъ дѣйствительно былъ внѣ этого противоположенія и надъ нимъ. Онъ дѣйствительно стоялъ внѣ традиціонныхъ русскихъ направленій. И напрасно сейчасъ хотятъ противопоставить мнѣ Вл. Соловьева и меня бить имъ. Смѣю думать, что онъ былъ бы со мной, а не съ тѣми, которые мнѣ его хотятъ противопоставить, и во мнѣ болѣе увидѣлъ бы своего духовнаго наслѣдника, чѣмъ въ нихъ. Духовно мнѣ очень близокъ Вл. Соловьевъ, хотя я и не раздѣляю многихъ его идей. И въ защитѣ чловѣка, въ защитѣ свободы я гораздо радикальнѣе, чѣмъ Вл. Соловьевъ. Назову еще другія имена, съ которыми я раздѣляю невозможность принять кличку « праваго » или « лѣваго ». Таковы въ сущности были классическіе славянофилы, таковъ былъ и Достоевскій, Достоевскій « Легенды о Великомъ Инквизиторѣ ».

*) Жильсонъ говоритъ: « Nous osons affirmer qu'à celui qui le considerera sans parti pris, le XIII siecle n'apparaîtra pas comme moins riche en gloires philosophiques que les époques de Descartes et de Leibnitz ou de Kant et d'A. Comte ». « Le thomisme ». Стр. 6.

А на Западѣ? Рѣшите, «правый» или «лѣвый» былъ Карлейль или Рескинъ? Карлейль былъ ненавистникъ демократіи, парламентаризма, радикализма и всего духа современной цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ своеобразный революціонеръ, онъ обличалъ неправду буржуазно-капиталистическаго общества и стремился къ радикальному его перерожденію. Былъ ли «правымъ» или «лѣвымъ» Ницше, ненавистникъ демократіи, социализма, современнаго прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонеръ духа? А Леонъ Блуа, величайшій католическій писатель Франціи повѣщаго времени, самое глубокое въ ней духовное явленіе, — былъ ли онъ «правымъ» или «лѣвымъ»? Когда Л. Блуа спросили, къ какой онъ принадлежитъ партіи, онъ отвѣтилъ: «я принадлежу Богу, Единому и Троичному въ Лицахъ, и больше никому и ничему». Л. Блуа пламенно ненавидѣлъ прогрессъ, гуманизмъ, демократію, социализмъ, всю передовую цивилизацію новаго времени и изобличалъ ихъ ложь. Не онъ же, какъ революціонеръ духа, изобличалъ ложь и смрадъ буржуазнаго общества, ждалъ великаго духовнаго переворота въ мірѣ, великой манифестаціи духа, онъ не вѣрилъ ни въ какія реставраціи прошлаго, ни въ какіе возвраты. Самъ Ж. Местръ, имѣющій въ учебникахъ репутацію крайняго реакціонера и праваго, такимъ не былъ, былъ безконечно сложнѣе. Онъ не любилъ правыхъ эмигрантовъ своего времени, не хотѣлъ насильственной кровавой контръ-революціи, онъ ждалъ новой эпохи въ христіанствѣ, вѣрилъ въ манифестацію Св. Духа, былъ своеобразнымъ «аллюминатомъ», и обычные «правые» дурно къ нему относились. Я могъ бы привести много примѣровъ людей, которые своимъ явленіемъ, своею жизнью и своею мыслью, своею судьбой отразили вульгарное противоположеніе на «правыхъ» и «лѣвыхъ», на «реакціонеровъ» и «революціонеровъ», и у насъ же все еще продолжается устарѣвшее, дореволюціонное раздѣленіе на «правыхъ» и «лѣвыхъ» и не преодоленна дурная привычка отождествлять эти категоріи съ категоріями моральными. Прежде въ «лѣвомъ» лагерѣ принято было считать всякаго «праваго» дурнымъ, безнравственнымъ человѣкомъ, почти злодѣемъ. Теперь въ «правомъ» лагерѣ всякаго «лѣваго» считаютъ злодѣемъ и дурнымъ человѣкомъ. Я никогда не вѣрилъ и не вѣрю ни въ «лѣвую», ни въ «правую» мораль. Наше общественное мнѣніе не достигло еще той духовной и нравственной эмансипаціи, послѣ которой видно становится лицо человѣческое. Въ русской заграничной средѣ господствуютъ призрачныя оцѣнки и люди поѣдаютъ другъ друга во имя фантазмовъ. Въ этомъ отношеніи было великое преимущество жив-

ни въ Совѣтской Россіи. Тамъ люди поставлены непосредственно передъ страшнымъ, антихристовымъ зломъ, передъ лицомъ смерти и въ великомъ духовномъ напряженіи должны защищать свои послѣднія святыни. Это дѣлаетъ людей болѣе существенными, болѣе онтологическими и вырабатываетъ болѣе братскія отношенія между людьми. Тамъ никто уже не интересуется, «правый» ли человекъ или «лѣвый», монархистъ или демократъ, а интересуются, за правду ли онъ или за ложь, за божеское или за дьявольское. Но я слышу и «съ права» и «съ лѣва» голоса, которые говорятъ мнѣ, что не быть ни «правымъ», ни «лѣвымъ», значить быть внѣ жизни, значить проповѣдывать отвлеченную духовность, уйти изъ міра. Люди, которые привыкли жить въ мірѣ «правой» и «лѣвой» политики, которые погружены въ бурленіе политическихъ страстей, думаютъ, что это и есть истинно реальный міръ. Люди эти легко принимаютъ фантазмы за реальности. Когда дается ходъ страстямъ и онѣ безудержно развиваются, то изъ нихъ создается своеобразный міръ фантазмовъ, принимаемыхъ за реальности. Есть своя неотвратимая діалектика въ политическихъ страстяхъ, въ разложеніи политическихъ волей, волей къ господству, и въ страстной ненависти къ противнику. Ткется лживая, злобная, пустая ткань жизни, лже-жизни, лже-реальности, фантазмагорія! И нѣтъ возможности добраться до онтологическаго ядра въ фантазмагорическомъ мірѣ политики, не только государственной, но и церковной и всякой политики.

Посмотримъ, дѣйствительно ли быть «правымъ» или «лѣвымъ» значить быть въ жизни. Всякая «лѣвая» политика упразднена принципиально и фактически русской революціей, большевизмомъ. «Лѣвые» революціонныя начала достигли до своего предѣла и внутренно изобличены. Нѣтъ уже той исторической реальности, въ отношеніи къ которой можно было бы быть «лѣвыми» и дѣлать революцію. «Лѣвые», гордо считающіе себя хранителями истинныхъ революціонныхъ началъ, «лѣвые» незамаранные большевизмомъ, скажутъ, что большевизмъ не осуществлялъ ихъ идеаловъ свободы и равенства, осуществилъ противоположное, и что ихъ «лѣвость» и революціонность и заключается въ стремленіи осуществить эти попоранные большевиками идеалы. Эта аргументація имѣетъ лишь внѣшнее обличіе убѣдительности. Революціи всегда выставляли своими лозунгами свободу и равенство и всегда ихъ попирали. Такъ было и во французской революціи, не только въ русской. И это попираніе происходитъ не только въ разгаръ революціи, въ изступленіи революціонныхъ страстей, — оно продолжается и въ мир-

ныхъ и длительныхъ, эволюціонныхъ послѣдствіяхъ революціи. Общество XIX в., созданное революціей, представляетъ собой надругательство надъ идеалами свободы, равенства и братства. Соціалисты всегда это утверждали. Но такимъ надругательствомъ надъ соціалистическимъ идеаломъ, надъ соціалистической свободой и соціалистическимъ равенствомъ, будетъ общество, которое создастся въ результатѣ соціалистическихъ революцій. Подлинная свобода, равенство и братство возможны лишь въ христіанскомъ обществѣ, не внѣшне обозначающемъ себя христіанскимъ, а внутренне осуществляющемъ Правду Христову. Безбожная, революціонная свобода и равенство всегда обращались величайшей тираніей и величайшимъ неравенствомъ. Достоевскій это гениально показалъ. И «лѣвые», чистые отъ злодѣйствъ большевиковъ, напрасно думаютъ, что они осуществили бы настоящую свободу и настоящее равенство. У нихъ нѣтъ тѣхъ духовныхъ началъ, которыя могутъ воспрепятствовать большевистскому концу всякаго «лѣваго» революціоннаго пути. Они просто не додумываютъ до конца, не доходятъ до конца, останавливаются на полѣ пути, въ нейтральномъ состояніи, не дѣлаютъ послѣдняго выбора, который большевики дѣлаютъ, беря на себя отвѣтственность до конца. «Лѣвые», революціонное направление не могутъ осуществить свободы, потому что они не знаютъ тѣхъ духовныхъ силъ, которыя только и могутъ положить предѣлы тираніи общества надъ человѣческой личностью. Для нихъ человѣкъ не духовное существо, а исключительно общественное существо, и судьба человѣка отдается въ безраздѣльную власть общества. И послѣднее слово на этомъ пути говоритъ коммунизмъ. Вышняя общественность для «лѣваго», революціоннаго міросозерцанія есть верховная и послѣдняя реальность, отъ нея всего ждутъ, ждутъ и освобожденія личности. Ей приносится въ жертву духъ. Эта вышняя общественность и есть та фантазмагорія, которую признаютъ за единственную реальность жизни. Тотъ объявляется стоящимъ внѣ жизни, кто не погруженъ въ эту фантазмагорію. Утверждать, что можно и должно сдѣлать «революцію» противъ большевизма, есть злоупотребленіе словами и самообманъ. Большевизмъ и есть квинт-эссенція мірового революціоннаго движенія, предѣльное его выраженіе. Революція именно къ этому ведетъ, а не къ тому прекрасному, о чемъ мечтали. Противъ большевизма можно сдѣлать только контръ-революцію, а не революцію, и всѣ противники большевизма — контръ-революціонеры. Эсеры, меньшевики, кадеты, всѣ демократы сейчасъ обречены на большую или меньшую контръ-революціонность. «Лѣвые» большевиковъ

продвину́ться невозможно. «Лѣвость» сейчасъ есть пребываніе въ безвоздушномъ пространствѣ, есть пережитокъ дореволюціонныхъ идеологій. Но лучше ли «правые»?

«Правые» окончательно возвращаются въ сферы фичцій и фантазмовъ. Они не понимаютъ, что революція случилась, какъ бы она ни была отвратительна, и что Россія вступила въ совершенно новый историческій періодъ. Нужно сказать, что «правые» и «лѣвые» одинаково реставраторы, — одни хотятъ реставрировать наше «правое» прошлое, другіе — наше «лѣвое» прошлое. Ни тѣ, ни другіе не чувствуютъ, что мы вступили въ новое измѣреніе историческаго бытія и что впереди нѣтъ ничего похожаго ни на старое «правое», ни на старое «лѣвое»^{*)}. «Правые» въ очень сильной степени живутъ подозрительностью, близкой къ умопомѣшательству, и злобой. Но подозрительность и злоба создаетъ міръ фантазмовъ, призрачный міръ. Въ подозрительности и злобѣ нѣтъ ничего реальнаго. Подозрительность и злоба есть начало сумасшествія. Эти состоянія порождаютъ галлюцинаціи. Реставраціонныя вождѣнія и замыслы не заключаютъ въ себѣ начала реальнаго, не имѣютъ никакого соціального базиса въ пореволюціонной Россіи. У нѣкоторыхъ «правыхъ», особенно у «правой» молодежи, участвовавшей въ бѣломъ движеніи, есть здоровое религиозное и національное чувство, которое отсутствуетъ у «лѣвыхъ». Но это здоровое религиозное и національное чувство совсѣмъ не должно приводить къ «правости» въ старомъ смыслѣ слова, оно ново и обращено къ грядущему возрожденію, а не реставраціи. Слишкомъ сильная душевная реакція и слишкомъ сильная эмоціональность многое тутъ спутываютъ. Происходитъ смѣшеніе моментовъ религиозно-національныхъ съ моментами государственно-бытовыми. Новая творческая «правость» болѣе обращена къ будущему, чѣмъ старая инертная «лѣвость». Но это и не слѣдуетъ именовать «правостью», это есть духовное обновленіе, творческая духовная реакція противъ русскаго нигилизма, противъ ложной психологіи и ложныхъ идей дореволюціонной русской интеллигенціи. Подлинныя реальныя процессы и реальныя перерожденія происходятъ внѣ сферъ старой «лѣвосты» и «правосты», революціонности и реакціонности. Въ періодъ историческихъ процессовъ и переворотовъ самыя реальныя про-

^{*)} Единственно пореволюціонное направленіе въ эмиграціи — евразійство. У меня есть радикальная религиозно-культурныя разногласія съ евразійцами, но политически я имъ болѣе сочувствую, чѣмъ другимъ направленіямъ.

цессы происходят въ глубинѣ, въ подпочвѣ, а не на поверхности. Это всегда прежде всего процессы духовные, порождающие новую душевную ткань. На поверхности, во внѣшней общественной, въ жизни государства, въ политикѣ все разлагается, все изжито. Въ глубинѣ же, въ подпочвенномъ слое, въ жизни духа слагается новая жизнь. И она сможет вываться, воплотиться во внѣшнихъ формахъ лишь тогда, когда пройдетъ острый кризисъ, когда мiръ начнетъ успокаиваться послѣ катастрофы и потрясеній. Вотъ это и есть главная причина, по которой я не съ «правыми», и не съ «лѣвыми», и не съ средними, почему я не вѣрю въ реальность и жизненность въ наши дни политики, связанной съ старыми категорiями и оцѣнками, и почему я убѣжденъ, что быть внѣ «правыхъ» и «лѣвыхъ» и значить быть въ самой жизни, а не внѣ жизни. На вопросъ, «правый» я или «лѣвый», я не обязанъ отвѣчать, потому что отрицаю всякій смыслъ за самой постановкой вопроса. Все это лучше понимаютъ русскiе люди, живущiе въ Россiи, чѣмъ русскiе люди, живущiе за границей. Тамъ все болѣе онтологично, болѣе существенно, болѣе жизненно — элементарно. Тамъ дѣйствуетъ послѣднее зло, которое есть великiй проявитель послѣдняго добра. Тамъ совершается выборъ и выборъ этотъ уводитъ людей изъ серединнаго царства. Мои слова, «или братство во Христѣ или товарищество въ антихристѣ» были восприняты особенно одиозно. Но вѣдь слова эти говорятъ лишь о томъ, что наступило время выбора, что дальше нельзя задерживаться въ переходномъ, промежуточномъ состоянiи. Эти слова должны быть близки и понятны каждому христанину. Они лишь выражаютъ тему «Откровенiя Св. Иоанна». И понимать эти слова нужно не такъ, что товарищество въ антихристѣ лучше, чѣмъ гуманистическая демократiя, совсѣмъ не такъ. Коммунизмъ, товарищество въ антихристѣ гораздо хуже, чѣмъ гуманистическая демократiя, и представляетъ предѣльное зло. Въ гуманистической демократiи можетъ произойти выборъ иной, выборъ братства во Христѣ. Но лучше, чтобы *выбора* наконецъ произошелъ, вотъ что лучше. Въ нейтральномъ серединномъ состоянiи, между небомъ и преисподней, между Богомъ и дiаволомъ нельзя безконечно оставаться. Вотъ что я хотѣлъ сказать. И думаю, что русскiй народъ поставилъ этотъ вопросъ передъ всѣмъ мiромъ.

Наибольшiй интересъ и наибольшую вражду вызвали мои сужденiя о демократiи. Я не думаю, чтобы это былъ самый важнiй и вообще особенно важнiй вопросъ. Онъ представляется важнiмъ лишь отъ ложной поглощенности политикой въ старомъ смыслѣ слова. Меня всегда интересовалъ не столько политиче-

свій вопросъ о демократіи, сколько вопросъ духовный. Не я одинъ замѣтилъ, а давно уже замѣтили наиболѣ острые мыслители разныхъ направлений, что въ демократіяхъ нѣтъ свободы духа и что демократіи обычно обозначаютъ ослабленіе и умаленіе духа и духовной жизни. Современная европейская демократія антирелигіозна и она выражаетъ упадокъ вѣры въ жизни народовъ. Народы обращенные къ небу и къ вѣчности не создали бы демократіи въ современномъ смыслѣ слова. Политическая демократія обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что она переводитъ жизненную энергію народовъ изъ внутренняго во внѣшнее устройство жизни. Она духовно расцвѣваетъ, а не сосредотачиваетъ. Она до крайности доводитъ политицизмъ, направляетъ волю къ властвованію, къ борьбѣ политическихъ страстей, она отдаетъ жизнь во власть профессиональныхъ политиковъ, т. е. обычно людей духовно пустыхъ. Политическая демократія особенно благопріятна для созданія самодовлѣющей сферы политики, которая есть сфера фантазмагорическая, болѣзненный наростъ на народномъ организмѣ. Въ жизни современныхъ демократическихъ обществъ нарушаются элементарныя основы духовной гигиены. Пониманіе власти, какъ права и притязанія, а не обязанности и тяготы, несовмѣстимо съ христіанскимъ сознаніемъ. Также несовмѣстима съ основами христіанской нравственности, христіанскаго пониманія добра, борьба политическихъ партій и разяреніе политическихъ страстей. Вѣра въ то, что внѣшняя политическая форма можетъ разрѣшить основныя задачи жизни, можетъ привести къ обновленію жизни, совершенно противоположна вѣрѣ христіанской, которая не допускаетъ такого преувеличенія внѣшнихъ политическихъ формъ. Я думаю, что вѣра въ политическія формы вообще падаетъ въ нашу эпоху. Всѣ политическія формы изжиты и всѣ онѣ несутъ съ собою разочарованіе. Вопросъ о политическихъ и государственныхъ формахъ есть вообще второстепенный и не особенно важный вопросъ, какъ для Россіи, такъ и для Европы. Новая исторія безмѣрно преувеличила значеніе политическихъ формъ и политики въ жизни народовъ. Она кончается и съ ней кончается и политицизмъ, вѣра въ политику. Это относится не только къ «лѣвымъ», къ демократамъ, но и къ «правымъ», къ монархизму. Думать, что самый главный и самый жизненный вопросъ для Россіи есть вопросъ о монархіи,—есть такая же ложь, какъ и думать, что самый главный и жизненный вопросъ есть вопросъ о республикѣ. Нельзя вкладывать своего положительнаго павоса ни въ то, ни въ другое. Соціальный и духовный реализмъ, реализмъ жизненныхъ соціальныхъ и духовныхъ процессовъ, окончательно побѣждаетъ политическій форма-

лизмъ, легитимизмъ монархическій и демократическій. Вотъ въ чемъ моя мысль. Соціалысты давно уже критиковали политическую демократію съ точки зрѣнія соціальнаго реализма. И они были правы. Торжество соціальнаго реализма, т. е. реальныхъ соціальныхъ интересовъ профессиональныхъ, трудовыхъ, соціальныхъ группъ общества, приведетъ къ крушенію политическихъ демократій съ парламентами, съ политическими партіями, съ политизмомъ, и создастъ трудовое общество съ профессиональнымъ представительствомъ, общество цеховое, корпоративное, синдикалистское. Оно будетъ народнымъ, но не демократическимъ въ современномъ смыслѣ. Центральнымъ является вопросъ соціальный, а не вопросъ политическій, организациі труда, а не формы государства. Что соціальныя вѣтъ трудящихся народныхъ массъ безмѣрно увеличатся, что вѣтъ возврата къ сословно-дворянскому или классово-буржуазному строю, это для меня аксіома. Я рѣшительно объ этомъ говорю въ «Новомъ средневѣковья»», но никто не обратилъ на это вниманія. Но народное, трудовое общество можетъ имѣть іерархическое строеніе власти, въ его политическомъ устройствѣ могутъ быть монархическіе и аристократическіе элементы. Я вѣрю въ соціальную демократію, но не вѣрю въ политическую демократію. И я думаю, что въ социализмѣ больше правды, чѣмъ въ буржуазной демократіи. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ христіанскій социализмъ. Демократія и народъ не то же самое. Демократія живетъ сегодняшнимъ днемъ, народъ живетъ на протяжении цѣлой исторіи.

Это невѣрно, что тонъ и движущій мотивъ демократіи есть уваженіе къ человѣческому лицу, есть утвержденіе достоинства человѣческаго лица. Въ современной демократической цивилизаціи есть страшное неуваженіе къ человѣческому лицу, невниманіе къ живому человѣческому лицу. Демократическое царство знаетъ отвлеченнаго человѣка и отвлеченныя человѣческія количества, живого, конкретнаго человѣка, лица человѣческаго не знаетъ и знать не хочетъ. Демократія по природѣ своей не хочетъ знать внутренней жизни человѣческой личности, относится къ ней пренебрежительно, для нея не существуетъ качественного своеобразія лица. Не въ демократіи, а въ христіанствѣ открылось абсолютное значеніе человѣческаго лица. Христіанство повѣдало міру, что душа человѣческая стоитъ больше, чѣмъ всѣ царства міра, и открыло внутри человѣка безконечную духовную жизнь. Это религиозное откровеніе о человѣческомъ лицѣ, о его богосыновскомъ достоинствѣ, не можетъ имѣть адекватнаго выраженія ни въ какой формѣ общественности, оно имѣетъ духовную, а не общественную природу, оно не находило себѣ выраженія въ ста-

рыхъ теократическихъ государствахъ и не находятъ его въ новыхъ демократическихъ обществахъ. Ничто абсолютное по своему значенію не вмѣщается въ природно-исторической дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи одинаково невѣренъ и ошибоченъ и оптимизмъ правый, консервативный и оптимизмъ лѣвый, прогрессивный или революціонный. Демократію пытаются обосновать на автономіи человѣческаго лица и противопоставить ее гетерономному, авторитарному сознанию. Но это очень большое недоразумѣніе и самообманъ. Новая исторія со временъ Ренессанса и реформаціи принесла съ собою автономію всѣхъ сферъ человѣческой жизни и творчества, автономію науки и философіи, автономію морали, автономію искусства, автономію права, государства и хозяйства, автономію самой религіи. Все было освобождено, все перестало быть подчиненнымъ высшему духовному центру. Но сталъ ли автономенъ и свободенъ отъ этого человѣкъ, человѣческое лицо? Все освобождается, все дѣлается автономнымъ, кромѣ самого человѣка. Человѣкъ окончательно попадаетъ въ рабство къ разнымъ автономнымъ началамъ. И по истинѣ можно удивляться тому самоотверженію и самопожертвованію, которыя проявилъ человѣкъ новой исторіи, освобождая науку, мораль, государство, хозяйство и пр. Самъ онъ превратился въ орудіе освобожденныхъ имъ сферъ. Пресловутая автономная мораль Канта отнюдь не означаетъ автономіи человѣка, человѣческаго лица. Въ автономной морали Канта о человѣкѣ совершенно забыто и человѣкъ окончательно поработенъ отвличенной моралью. Кантъ отрицаетъ нравственный опытъ и нравственную жизнь человѣка, боренія человѣческаго духа. Трансцендентальный субъектъ, категорическій императивъ не есть человѣкъ и ничего человѣческаго въ этихъ отвличенныхъ тиранахъ нѣтъ. Демократія есть политическая автономія, общественная автономія, автономія самостоятельной сферы, но не есть автономія и свобода самого человѣка. Человѣкъ такъ же оказывается поработеннымъ демократической общественности, какъ онъ поработенъ категорическому императиву, автономной морали. Демократическая общественность не знаетъ ни духовныхъ, ни политическихъ способовъ защиты человѣческаго лица, его свободной и независимой духовной жизни отъ тираниіи освободившейся сферы — отвличенной общественности. И истиннымъ путемъ нужно признать путь противоположный тому, которымъ шла новая исторія со своей автономіей всѣхъ сферъ, — *нужно связать общественность, связать мораль, связать все сферы жизни, подчинить ихъ духовному центру и освободить наконецъ самого человека, его лицо, его вѣчный духъ.* Въ сферѣ общественной наиболѣе

благоприятно для свободы человѣка, для свободы духа, представляеть меньшее зло, если не большее добро, сочетаніе нѣсколькихъ взаимограничивающихъ началъ, не допускающихъ безграничнаго господства отвлеченнаго государства, общества или народа надъ конкретнымъ и живымъ человѣческимъ лицомъ, т. е. общественный плюрализмъ, а не монизмъ — сочетание началъ демократическихъ съ началами аристократическими и монархическими, тоже ограниченными по своей природѣ *). Демократія есть форма народнаго самодержавія, есть абсолютизмъ общества. Но всякое самодержавіе и всякій абсолютизмъ должны быть преодолены кромѣ самодержавія и абсолютизма Церкви Христовой, которая не можетъ быть воплощена при помощи средствъ и формъ царства кесаря, вѣншей общественности и вѣншей государственности. Въ Церкви принципиально разрѣшается и преодолевается трагическій конфликтъ личности и общества, который наполняетъ всю исторію и который неразрѣшимъ во вѣншихъ государственныхъ и общественныхъ формахъ. Для Церкви человѣческое лицо, его временная и вѣчная судьба, имѣеть абсолютное значеніе и она безконечно внимательна ко всякому лицу, занята его спасеніемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь есть общество Христово, есть соборность, въ ней всѣ человѣческія лица, живыя и умершія, сращены и соединены въ одно тѣло и одну душу, составляютъ Христовъ родъ. Жизнь Церкви основана на сочетаніи свободы съ любовью. Окончательно это будетъ явлено лишь въ Царствѣ Божьемъ, которое намъ заповѣдано искать прежде всего и превыше всего. И никакое сращеніе Церкви съ царствомъ кесаря, съ государствомъ и обществомъ міра сего, не можетъ явить Царства Божьяго, которое приходитъ непримѣтно. Царство Божье такъ же не есть монархія, какъ не есть и демократія. Старая связь и старая сращенность Церкви съ царствомъ кесаря разорвалась. Въ этомъ отношеніи произошла не только вѣншая революція, но и революція внутренняя, духовная. И реставрировать старую связь невозможно и не должно. Церковь вступила въ совѣтъ новую эпоху.

Секуляризація общества и культуры совѣтъ для меня не является источникомъ зла. Секуляризація лишь правдиво и искренно все обозначаетъ своими именами. Если государство, мо-

*) Сильная власть президента въ не парламентскомъ американскомъ типѣ республики есть въ сущности монархическое начало. Аристократическое начало можетъ быть мыслимо какъ представительство качественныхъ элементовъ общества и ихъ фактической удѣльный вѣсъ, а не какъ начало слововное.

раль, наука, хозяйство не являются реально христианскими, то и не слѣдуетъ ихъ такъ именовать. Самое большее зло въ жизни есть ложь и лицемеріе. Ничто не можетъ быть насильственно и принудительно христианскимъ. Христианство не допускаетъ равенства между истиной и ложью, оно знаетъ единую Истину, единую истинную вѣру. Христианство, какъ, впрочемъ, и всякая подлинная вѣра, эксклюзивно и ничего общаго не имѣетъ съ либерализмомъ, всегда скептическимъ и индифферентнымъ. Христианской вѣрѣ глубоко чуждо и противоположно безразличіе современной демократіи къ истинѣ и жи, ея безпредметность и безсодержательность. Христианство не можетъ считать такой строй общества своимъ. Правительства демократическихъ республикъ легко переходятъ отъ индифферентизма къ утѣшенію Церкви, къ прикрытымъ формамъ гоненія. Такъ было во Франціи. Но воплѣтъ секуляризованная, антирелигіозная по своему духу демократія имѣетъ значеніе, какъ правдивое и адекватное выраженіе духовнаго состоянія народовъ. Насильственное возстановленіе старыхъ теократій, старыхъ христианскихъ монархій невозможно и недопустимо съ христианской точки зрѣнія. Это я всегда и повсюду утверждалъ. Я бы хотѣлъ, чтобы свободно, изъ духовнаго состоянія народовъ создалось общество совсѣмъ не похожее на современныя бездушныя и уродливыя демократическія республики. Но критика демократіи для меня есть прежде всего критика духовнаго состоянія общества. Вопросъ же о политической формѣ является уже второстепеннымъ. Совершенно невѣрно понимаютъ мои критики и мое отношеніе къ гуманизму и новой исторіи. Думаютъ, что я просто ненавижу гуманизмъ, желаю его истребить и отрицаю за нимъ всякій смыслъ. Но мое мнѣніе въ этомъ вопросѣ, впрочемъ, какъ и все мое пониманіе исторіи, по существу и принципиально приводитъ къ антиноміи и парадоксу. Гуманизмъ разлагается и кончается, въ немъ была ложь, которая ведетъ къ истребленію человѣка. Но гуманизмъ поставилъ великую тему и опытъ гуманизма имѣлъ положительный смыслъ. Л. Блуа гдѣ-то написалъ : « Souffrir passe, avoir souffert ne passe jamais ». Это великая истина духовнаго развитія. Гуманизмъ, новая исторія могутъ и должны быть преодолены и уже преодолеваются. Но то, что былъ гуманизмъ, была новая исторія, не пройдетъ никогда. Остается обогащающій и усложняющій опытъ. Это я пытаюсь показать въ моей книгѣ о Достоевскомъ. Гуманизмъ поставилъ тему для христианскаго сознанія, не разрешенную еще въ христианствѣ святоотеческомъ. И въ христианскомъ возрожденіи, которымъ будетъ сопровождаться конецъ новой исторіи, будетъ много новаго. Религіозная проблема о че-

ловѣкъ и человѣческомъ творествѣ стоитъ въ центрѣ моей мысли, ей полны всѣ мои произведенія. Тема о свободѣ и есть одно изъ выраженій темы о человѣкѣ. Я и съ гуманизмомъ борюсь только потому, что испугался за человѣка, ужаснулся истребленію человѣческаго образа въ гуманистическомъ обществѣ, въ гуманистической цивилизаціи, но къ огорченію моему мнѣ не удалось обратить вниманіе критиковъ на эту тему о человѣкѣ.

Во всѣхъ моихъ книгахъ я всегда утверждалъ и утверждаю, что христіанство есть религія свободы. Это есть специфически свойственный мнѣ подходъ къ христіанству. Но какъ христіанство повимааетъ и оправдываетъ свободу? Христіанское пониманіе и оправданіе свободы ничего общаго не имѣетъ съ либеральнымъ пониманіемъ и оправданіемъ. Смысленіе христіанства съ либерализмомъ въ вопросѣ о свободѣ возможно лишь со стороны, у людей внутренне чуждыхъ христіанству. Либерализмъ хочетъ установить равенство между всѣми истинами или точнѣе между истинной и ложью. Либерализмъ не знаетъ истины, равнодушенъ къ ней, не имѣетъ силы сдѣлать выбора. Либерализмъ знаетъ и утверждаетъ лишь свободу формальную, безпредметную. Свобода для либерализма всегда есть право, притязаніе, а не обязанность. Либерализмъ защищаетъ свободу религіозной совѣсти, не имѣя никакой увѣренности въ томъ, что религіозная совѣсть существуетъ, что религіозная вѣра имѣетъ какой-либо реальный предметъ. Такой родъ либерализма свойствененъ всѣмъ демократическимъ и вообще «лѣвымъ» направленіямъ. Онъ порождаетъ невѣріемъ. Только коммунисты порвали съ нимъ, потому что имѣютъ свою противоположную вѣру. Христіанство знаетъ истину, оно не ставитъ Пилатовскаго вопроса «что есть истина?» Но значить ли это, что христіанство во имя этой Истины отрицаетъ свободу? Наше мышленіе такъ испорчено либерализмомъ, что мы не понимаемъ другой свободы, по другому обоснованной. Христіанство утверждаетъ свободу въ тысячу разъ больше, чѣмъ либерализмъ, но не потому, что истину оно уравниваетъ съ ложью, а потому, что сама Истина христіанства есть Истина о свободѣ, что свобода входитъ въ содержаніе христіанской вѣры, ибо христіанство есть религія свободы и безъ свободы духа христіанство терять всякій смыслъ. Христіанство защищаетъ свободу не формально, а содержательно, предметно. Свобода въ христіанствѣ не право, а долгъ, обязанность. Богъ хочетъ, чтобы человѣкъ былъ свободенъ, Богу нужны только свободные, рабы Ему не нужны. Я не разъ говорилъ въ своихъ книгахъ: человѣкъ можетъ отказаться отъ свободы и легко отказывается, ему совсѣмъ не такъ нужна свобода, но Богъ нуждается въ

свободѣ человѣка и не можетъ перестать требовать свободы человѣка, ибо таковъ его замыселъ о человѣкѣ и мірѣ. Вотъ на какой глубинѣ обосновывается свобода въ христіанствѣ. Свобода не легкая вещь, свобода — бремя, тягота, она порождаетъ неистощимыя страданія жизни, трагизмъ жизни. И человѣкъ призванъ къ тому, чтобы до конца нести бремя и тяготу свободы, исполнить долгъ свободы. Это есть центральная мысль моей книги «Міросозерцаніе Достоевскаго». Богъ положилъ смыслъ міра въ свободѣ и отрицаніе свободы духа, свободы совѣсти есть богопротивленіе. Богъ хочетъ, чтобы свобода человѣка себя обнаруживала и выражала.

Христіанство совсѣмъ не вѣротерпимо въ формально-либеральномъ смыслѣ этого слова. Оно не можетъ быть индифферентно къ тому, исповѣдуютъ ли люди истинную или ложную вѣру. Вся энергія христіанства не можетъ не быть направлена на то, чтобы люди исповѣдывали истинную вѣру. Но христіанству свойственно безконечное уваженіе и вниманіе ко всякой человѣческой душѣ, къ ея индивидуальному пути, къ свободѣ духа въ принятіи Истины. Истинная вѣра можетъ быть принята лишь черезъ свободу и тогда лишь она имѣетъ цѣну. Насиліе въ дѣлахъ вѣры есть чудовищное искаженіе людьми самаго существа христіанства, соблазнъ и отступничество отъ христіанства. Мы должны быть безконечно терпимы не къ лжи и не къ ложнымъ вѣрованіямъ, а къ человѣческой душѣ, къ ея опыту, къ ея пути, къ ея внутренней свободѣ. Человѣкъ долженъ пройти черезъ соблазны и сомнѣнія и изнутри преодолѣть ихъ. Насильственно никого нельзя спасти. Фанатизмъ есть неспособность вмѣстить истину о христіанской свободѣ, есть помѣшательство, сумасшествіе отъ неспособности вмѣстить эту небесную истину. Христіанскую свободу у насъ горячо защищали славянофилы — Хомяковъ, Ю. Самаринъ, И. Аксаковъ, потомъ Достоевскій, посвятившій темѣ о свободѣ все свое творчество, и Вл. Соловьевъ. Они были болѣе радикальны и болѣе существенны въ защитѣ свободы, чѣмъ наши либеральныя и «лѣвыя» безрелигіозныя направленія. Идея свободы есть основная идея, выношенная русской религіозной мыслью XIX вѣка. Въ этой религіозной идеѣ свободы таилась возможность настоящаго христіанскаго возрожденія и обновленія, творческаго движенія въ христіанствѣ. Но эта возможность была загублена той борьбой, которую вели «лѣвые» и «правые», одинаково чуждые и враждебные свободѣ духа. Русская религіозно-философская и религіозно-общественная мысль была не замѣчена, не оценена, не получила сколько нибудь широкаго вліянія. И отвѣтственность за это падаетъ на ту традиціонно «лѣ-

вую» интеллигенцію, начиная съ Бѣлинскаго, которая была въ сознаніи своемъ глубокореакціонной и отстакой, враждебной духу творчества, враждебной духу свободы, гасительницей духа. Это — неопровержимый фактъ. Предпочитать Бѣлинскаго Хомякову, Чернышевскаго Достоевскому, Плеханова Вл. Соловьеву и значить быть реакціонеромъ духа, мракобѣсомъ, значить готовить Ленина и окончательное рабство духа. И я уже лѣтъ двадцать веду борьбу противъ мракобѣсія и реакціонности русской интеллигенціи, отрицавшей все значительное, оригинальное, великое въ духовной жизни Россіи и Европы. Но этой реакціонности и мракобѣсію «лѣвыхъ» противостоятъ реакціонность и мракобѣсіе «правыхъ», которые также не замѣчали и не читали этотъ творческій національный гений. Для нихъ не нуженъ былъ человекъ, какъ Г. Леонтьевъ, который остался чуждымъ и непонятнымъ романтикомъ. Лишь духовно ординарный и незначительный Катковъ оказался по плечу, какъ и духовно ординарный и незначительный Чернышевскій. «Правые», такъ же какъ и «лѣвые», боялись свободы духа, раскрывавшейся въ русской религиозной мысли. Утилитаристами были и тѣ и другіе и всѣ великіе пали у насъ жертвой этого утилитаризма. Утилитаризмъ несомнѣстимъ со свободой духа, съ духомъ свободы, утилитаризмъ «правый» и «лѣвый» одинаково. И сейчасъ въ русской эмигрантской средѣ есть реакціонно-мракобѣсное «правое» теченіе, фактически преобладающее, которое не хочетъ знать наслѣдія нашей національной религиозной мысли — свободы духа, христіанской свободы, выношенной и провозглашенной величайшими нашими людьми, Хомяковымъ, Достоевскимъ, Вл. Соловьевымъ. Остатки «лѣвыхъ» хотѣли бы защитить свободу противъ этого теченія, но они сами всегда свободу духа отражали и попирали, они не имѣютъ духовныхъ основъ, которыя уполномачивали бы ихъ защищать свободу. Внутри Россіи лучше, тамъ болѣе измѣнилась ткань души, тамъ не имѣютъ никакого вѣса старыя дореволюціонныя направленія, «лѣвые» и «правые», тамъ въ трагическомъ и страдальческомъ опытѣ переживанія послѣдняго и страшнаго насилія жизненно вынашивается правда свободы духа и она не ставится въ обязательную связь съ политическими формами.

Мы, христіане, не можемъ не хотѣть побѣды христіанства въ мірѣ. Мы должны всѣмъ существомъ своимъ хотѣть осуществленія Христовой правды въ жизни. Но христіанство можетъ стремиться лишь къ внутреннему, а не внѣшнему господству. Царство Божье приходитъ непримѣтно. Христіанскій міръ вступаетъ въ эпоху раздѣленія и выбора. Ложная прикованность безконеч-

наго духа къ конечной плоти приходитъ къ концу. И реакціонной въ религіозной жизни является именно эта исключительная обращенность къ исторической плоти. Отсюда рождались всѣ насилия. Духовному міру и духовной жизни насилие по существу, онтологически чуждо, оно рождалось всегда отъ сращенія духа съ природно - исторической плотью, отъ смѣшенія двухъ плановъ бытія « Гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода ». « Къ свободѣ призваны вы, братія ». « Итакъ сыны свободны ». Сейчасъ христіанскій міръ мѣняетъ свои одежды. Духъ всегда стремится воплотиться. Но воплощеніе духа не есть порабощеніе духа относительно и преходящей плоти, а есть просвѣтленіе и одухотвореніе плоти изнутри. Насиліе въ духовной жизни есть нарушеніе должнаго іерархическаго соподчиненія между духомъ и плотью, господство плоти надъ духомъ. Насиліе можетъ имѣть мѣсто лишь въ царствѣ кесаря и оно тамъ неустранимо, пока человѣкъ живетъ въ грѣховной природѣ, но оно не можетъ имѣть никакого мѣста въ духовной жизни, въ церкви, въ Царствѣ Божьемъ. И православные русскіе люди, которые хотятъ насилій въ религіозной жизни и готовятся къ нимъ въ Россіи, освобожденной отъ большевизма, не понимаютъ природы христіанства и не понимаютъ нашей исторической эпохи. Въ христіанскомъ сознаніи заложено глубокое оправданіе относительнаго историческаго пессимизма. И въ этомъ пессимизмѣ есть что - то освобождающее. Нѣтъ никакихъ основаній ждать внѣшняго господства христіанства въ Россіи и въ-мірѣ. Христіанство живетъ качествомъ, а не количествомъ. Христіанство въ Россіи, какъ и повсюду въ мірѣ, перестаетъ быть народной религіей по преимуществу. Народъ, простецы, въ значительной массѣ своей уходятъ въ полупросвѣщеніе, въ матеріализмъ и соціализмъ, переживаютъ первое увлеченіе марксизмомъ, дарвинизмомъ и пр. Интеллигенція же, верхній культурный слой возвращается къ христіанской вѣрѣ. Религіозное возрожденіе въ Россіи сейчасъ выносятся по преимуществу интеллигенціей. Тоже самое происходитъ въ Европѣ, въ католичествѣ. Во Франціи католическое движеніе есть почти исключительно движеніе интеллектуаловъ, а не народа, который въ массѣ равнодушенъ къ вѣрѣ. Это мѣняетъ стиль христіанства. Старый бытовой, простонародный стиль православія кончился и его нельзя возстановить. Къ самому среднему христіанину предъявляются несоизмѣримо болѣе высокія требованія. Старая православная психологія, пассивная, движимая боязнью и страхомъ всякихъ соблазновъ, вѣчно ожидающая защиты отъ государства, не годна для новой эпохи. Христіанство вступаетъ въ періодъ безмѣрно большей усложненности, обращенности къ но-

вымъ душамъ, трагически пережившимъ проблематику чловѣка и міра. Въ мірѣ происходитъ огромная по размѣрамъ духовная революція. И когда я говорю, что кончается новая исторія и начинается новое средневѣковье, я имѣю прежде всего ввиду, что начинается новая жизнь.

Николай Бердяевъ.